

Построен ли капитализм на колониализме?

Др Райнер Цительманн — автор книг [«Капитализм не проблема, а решение»](#), [«В защиту капитализма: ...»](#), [«Элита богатства: ...»](#)

В последние годы колониализм стал горячей темой. Сегодняшняя ненависть, направленная на Израиль, в университетах США и Европы идеологически основана на «постколониалистской» теории, которая стала чем-то вроде политической религии, особенно среди «проснувшихся» (“woke”) антикапиталистов.

Насколько верен тезис о том, что капитализм основан на колониализме? Немецко-британский экономист Кристиан Нимитц из престижного Лондонского института экономики исследовал этот вопрос в короткой (70 страниц) и насыщенной фактами работе: «Имперское измерение. Анализ затрат и выгод западного колониализма».

Эту познавательную небольшую книгу следовало бы обязательно прочитать всем «постколониальным» студентам, хотя они, вероятно, предпочитают читать книги, которые соответствуют их ранее существовавшим убеждениям, и факты, представленные здесь, вполне могут заставить им не понравиться. В своей книге Нимитц проводит экономический анализ, в котором сравниваются издержки и выгоды колониализма для различных стран: Великобритании, России, Франции, Германии, США и Бельгии. Хотя точные исторические данные трудно получить, все серьёзные оценки указывают на то, что колониализм был скорее экономическим бременем, чем выгодой для Великобритании, Франции и Германии. К такому же выводу в своё время пришли такие разные мыслители, как Адам Смит и Отто фон Бисмарк.

Итак, несмотря на отсутствие значительных экономических выгод – возможно, даже, потери – почему страны продолжали проводить колониальную политику? Ключевыми факторами были национальный престиж и влияние богатых людей, которые видели в колониализме источник собственной экономической выгоды. В случае с Великобританией исследование Нимитца показывает, что в колониальную эпоху страна в основном торговала с другими западными странами, а не с колониями. Хотя трудно однозначно определить, привёл ли колониализм к экономическим потерям для Великобритании или страна получила в целом скромную прибыль, можно с уверенностью сказать, что любые потенциальные выгоды были очень скромными. Поэтому тезис о том, что богатство Британии было получено в первую очередь за счёт прибылей от её колоний не может быть обоснован.

Более точные данные имеются для Германии, которая стала колониальной державой лишь на очень позднем этапе. В её случае совершенно ясно, что большинство колоний были убыточными.

Только Бельгия является исключением, эксплуатация колониального Конго приносила существенную прибыль. Однако этот успех можно объяснить уникальным стечением обстоятельств: Бельгийской колонией Конго управлял, как частном предприятием, король Леопольд II.

Утверждение о том, что основы капитализма исторически были построены на колониализме, опровергается фактом более медленного экономического роста ведущих колониальных держав по сравнению с Швецией, Данией и Австрией, которые имели лишь незначительные колониальные владения. Ведущие экономики начала XIX века: Великобритания, Нидерланды, Франция отстали от них в относительном выражении во второй половине века. Португалия и Испания, первые империалистические державы с колониями от Мексики до Макао, были самыми бедными в Западной Европе в то время, когда возник капитализм.

Я хотел бы добавить: Соединённые Штаты были, выражаясь языком антикапиталистических критиков колониализма, не «преступниками», а изначально сами его жертвой. Колониальная активность США играла совершенно второстепенную роль в экономическом развитии. И хотя сегодня много говорят о колониальном прошлом Германии, тот факт, что колониальные предприятия Германии, начиная с 1880-х годов, имели незначительное экономическое значение, говорит против акцента на колониализме как корне капитализма.

Однако Нимитц также заключает, что колониализм препятствовал развитию многих стран и что некоторые до сих пор борются с его последствиями. Я хотел бы добавить: страны часто вредят себе ещё больше, приписывая свои проблемы исключительно событиям далёкого прошлого, таким как колониализм и рабство, вместо признания факта, что они экономически несвободны.

Я хотел бы привести истории двух бывших колоний, британской и французской, обе я тщательно изучал.

Уганда стала британским протекторатом в 1894 году, колониальное правление длилось почти семь десятилетий, страна стала независимой в 1962 году. В 1965 год, всего через три года после обретения независимости, Уганда описывалась президентом Йовери Мусевени как «более процветающая, чем Южная Корея». Сегодня валовой национальный продукт на душу населения Южной Кореи в 33 раза превышает аналогичный показатель Уганды.

Тот факт, что в Уганде вскоре после обретения независимости ситуация была намного лучше, чем в Южной Корее, означает, что «не африканские правительства сделали эти страны процветающими по сравнению с их коллегами из Юго-Восточной Азии. Это сделали британские колониальные правительства», — говорит эксперт по Африке Годфри Мвакикагиле из Танзании. Однако, как и во многих других африканских странах, власти Уганды во всех проблемах прошлого винят колониализм. А в своей книге «История современной Уганды» Ричард Дж. Рид пишет: «У Мусевени определённно стало хобби обвинять британское правление Угандой во всех современных проблемах страны».

Вьетнам является убедительным примером противоположной возможности. С 1858 по 1954 год страна находилась под французским колониальным правлением и провела двадцатый век в войнах с Францией, Японией, Китаем, США и другими. Вьетнам был самой бедной страной в мире в 1990 году, и мог бы обвинять в своих бедах колониализм и иностранные державы. Однако, в отличие от многих африканских стран, этого во Вьетнаме никогда не происходило: вьетнамский народ правильно осознал, что его проблемы проистекают из отсутствия экономической свободы, и запустил программу реформ рыночной экономики через одиннадцать лет после окончания войны. Сегодня Вьетнам поддерживает дружеские отношения с США, привлекает инвесторов со всего мира и сумел снизить уровень бедности с 80% до менее чем 5%. Это стало возможным только потому, что вьетнамцы искали корни своих проблем не в колониализме и других странах, а в самих себе.